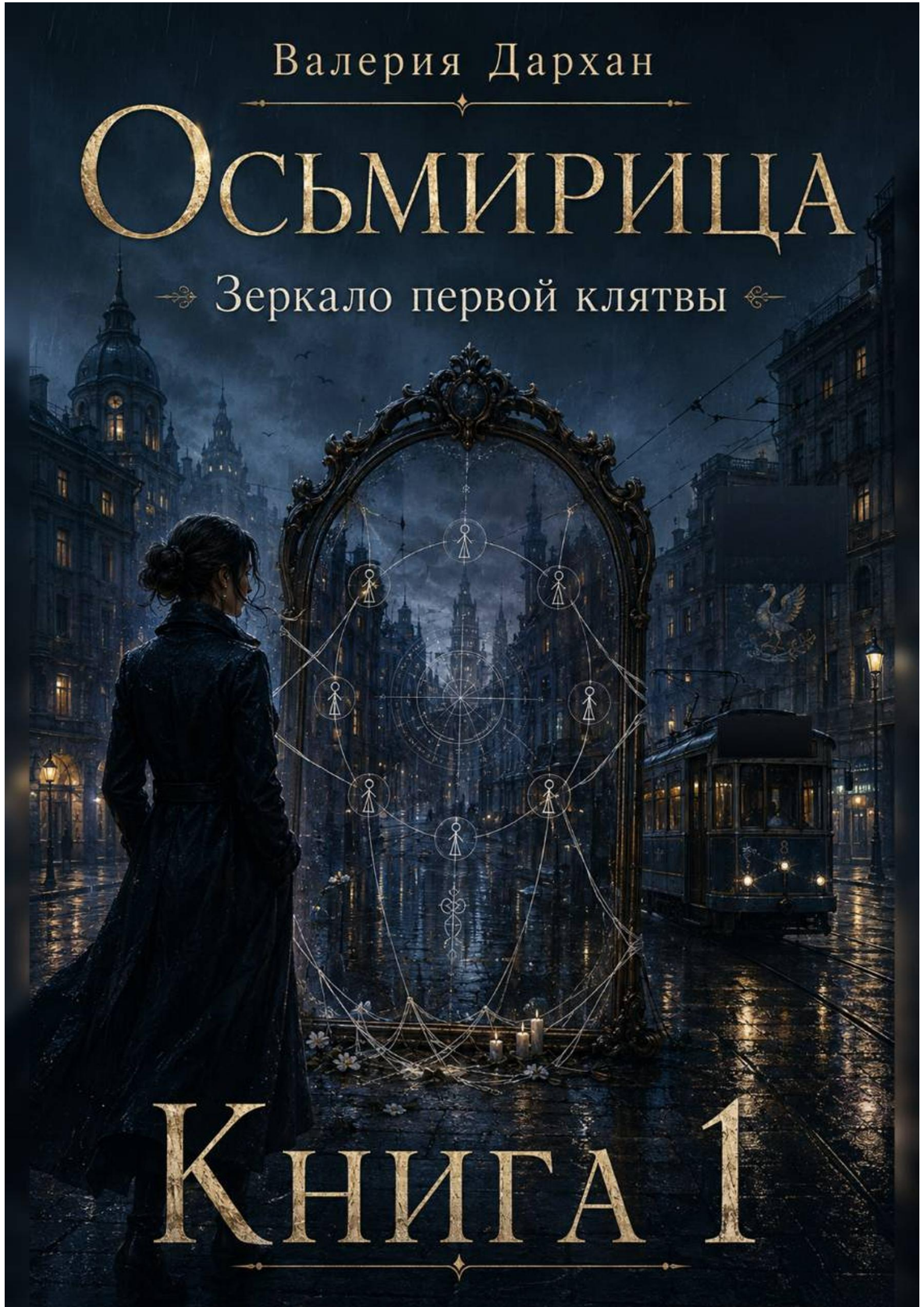

Валерия Дархан

ОСЬМИРИЦА

Зеркало первой клятвы

КНИГА 1

Валерия Дархан

**Осьмирица. Зеркало
первой клятвы. Книга 1**

«Автор»

2026

Дархан В.

Осьмирица. Зеркало первой клятвы. Книга 1 / В. Дархан —
«Автор», 2026

В городе зеркала начинают слышать то, о чем женщины привыкли молчать. Анна Лескова ведет небольшой женский круг - без громких обещаний, без чудес на продажу, с чаем, усталостью и попыткой удержаться в жизни. Но однажды старое зеркало в ее квартире трескается изнутри, а за отражением открывается Дом Первого Зеркала - место, где ложные клятвы становятся дверями. «Я должна спасти всех, даже если исчезну сама» - такая клятва кажется любовью, долгом и силой. На самом деле она кормит глубину, которая умеет ждать. Чтобы закрыть первый Дом, Анне и шести женщинам круга придется не победить тьму красивым жестом, а сделать более трудное: остаться живыми, связанными и честными. Не исчезнуть ради других. Не стать дверью. Не спутать самопожертвование с любовью. Городская мистика о зеркалах, женской связи, ложных обетах и праве не платить собой за чужое спасение.

© Дархан В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещина в отражении	6
Глава 2. Дом, который слушает ложь	11
Глава 3. Семь отражений одной клятвы	16
Глава 4. Узел Сони	21
Глава 5. Цена тихой ночи	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерия Дархан

Осьмирица. Зеркало первой клятвы. Книга 1

Содержание

1. Трещина в отражении
2. Дом, который слушает ложь
3. Семь отражений одной клятвы
4. Узел Сони
5. Цена тихой ночи
6. Черная вода под стеклом
7. Чужой голос
8. Три узла на запястье
9. Карта цены
10. Первый ночной заход
11. Черновик подписи
12. Комната без зеркала
13. Семь дней черновика
14. Слово или разрыв
15. Ложная дверь
16. Цена доверия
17. Счёт Дома
18. Комната ведущей
19. Семеро без узла
20. Зеркало границы
21. Отказ от одного входа
22. Закрытый Дом
23. Ожог на явь
24. Зеркало без цены
25. Семеро на полу
26. Не дверь
27. Распределённый узел
28. Чистая вода
29. Четыре узла
30. Порог

Глава 1. Трещина в отражении

Вечер в городе стоял сырой и вязкий, как непроговоренный страх. За окном Анны Лесковой медленно тянулись фары машин, внизу хлопала дверь подъезда, на лестничной клетке кто-то спорил по телефону вполголоса, а с кухни тянуло чабрецом и лимоном. Обычная городская усталость. Обычная жизнь, в которой есть чайник, список задач на завтра и привычка держаться.

Анна любила эту предсказуемость. Любила за то, что она не требовала от нее ни мудрости, ни силы, ни красивых объяснений. Налил воды, поставил чайник, вытер стол, проветрил комнату, ответил на три сообщения, закрыл ноутбук. В такие минуты казалось, что мир не рассыпается.

Но в тот вечер мир рассыпался с самого начала.

Сначала - в мелочи. Чайник закипел быстрее обычного. Свеча, которую она зажгла в гостиной перед приходом группы, вспыхнула высоким, почти синим языком. Старое зеркало в коридоре - бабушкино, в темной раме с вытертым орнаментом - будто стало глубже, чем должно быть у обычного стекла.

Анна заметила это, когда несла чашки из кухни: в отражении коридор выглядел не таким, как в реальности. В нем было чуть больше тени, и эта тень была не от лампы.

- Не начинай, - сказала она себе тихо. - Усталость. Просто усталость.

Телефон мигнул новыми сообщениями. Закрытый чат круга, шесть привычных имен.

Катя: «Я у подъезда».

Ирина: «Опоздаю на 10 минут».

Марина: «Можно без глубокой части? Я в ноль».

Лера: «Принесу печенья».

Соня: «Я пришла раньше, сижу в машине».

Тамара Петровна: «Везу травяной чай».

Анна улыбнулась. Эти сообщения обычно возвращали ее на землю. Их земное, бытовое «я опоздаю», «я принесу», «я в ноль» всегда было сильнее любой мистики.

Она открыла дверь Кате.

Катя вошла, стряхнула мокрый капюшон, поставила на пол пакет с хлебом и сразу окинула Анну цепким взглядом:

- Ты бледная.

- Я нормальная.

- Ты так говоришь, когда не нормальная.

- Спасибо за психодиагностику с порога.

- Всегда пожалуйста.

Они обе усмехнулись, и эта короткая привычная пикировка снова чуть-чуть выровняла пространство.

Потом пришли остальные. Гостиная наполнилась движением, паром от кружек, хрустом печенья, короткими вопросами «как неделя», «как сон», «кто опять не ел», «кто опять работал до ночи». Анна смотрела на женщин круга и думала, что именно ради таких моментов она вообще начала эту работу: когда люди приходят не за чудом, а за местом, где можно не притворяться.

Она села на ковер между свечой и миской воды, дождалась, пока все устроятся, и сказала:

- Сегодня без насилия над собой. Никакой погони за откровением. Наша задача - собрать нервную систему, а не разорвать ее.

Марина кивнула с облегчением.

Ирина закрыла глаза почти сразу.

Лера, как всегда, села слишком прямо, как ученица на экзамене.

Соня, новая в группе, держала руки сцепленными в замок так крепко, что побелели пальцы.

Тамара Петровна положила ладонь на колено и выдохнула длинно, словно опуская тяжелый груз.

Анна начала мягкую практику возврата в тело.

- Почувствуйте стопы.

Почувствуйте спину.

Почувствуйте, как воздух входит и выходит.

Ничего не исправляйте. Просто замечайте.

Третье дыхание прошло ровно.

Четвертое - тоже.

На пятом в комнате резко похолодало.

Ирина вздрогнула:

- Окно открыто?

- Нет, - ответила Анна и сама услышала, что голос стал чужим.

Свеча вытянулась вверх тонкой иглой. В зеркале напротив, прямо по центру, появилась темная вертикальная линия. Не блик. Не отражение шторы. Линия, похожая на тончайшую трещину внутри стекла.

- Никому не вставать, - сказала Анна тихо, но твердо.

Линия дрогнула и стала чуть шире.

Соня открыла глаза и прошептала:

- Я это видела. Три ночи подряд. Там коридор.

- Какой коридор? - резко спросила Катя.

Соня не отводила взгляда от зеркала:

- Темный. И дверь. И кто-то там стоял.

У Анны вспыхнула боль в левом запястье - короткая, острая, как ожог тонкой проволокой. Она машинально подтянула рукав и увидела на коже темный знак: незамкнутый круг с тонким разрезом.

- Этого не было, - выдохнула Лера.

- Не было, - согласилась Анна.

Внутри трещины шевельнулась тень. Высокая мужская фигура в глубине, без лица, но с ощущением прямого взгляда, от которого будто стягивало грудную клетку.

Голос прозвучал у Анны в голове, не в ушах:

«Поздно, Анна Лескова».

Она резко встала.

- Все в коридор. Сейчас.

- Я остаюсь, - сказала Катя.

- Нет. Закройте дверь снаружи и не заходите, пока не позову.

В этот раз в голосе Анны было что-то, что не оставляло пространства для спора. Женщины вышли, почти не глядя друг на друга. Щелкнул замок. В гостиной остались только Анна, свеча и зеркало.

- Кто ты? - спросила она, глядя в трещину.

«Марен».

Имя вошло внутрь, как давняя, неприятная и почему-то очень знакомая правда.

Стекло вспыхнуло белой жилкой. Пол ушел из-под ног. Воздух вырвало из легких. Мир дернулся, как пленка в старом проекторе, и Анна провалилась вперед.

Она не успела закричать.

Падение закончилось не ударом, а тишиной.

Анна лежала на холодном камне и слышала только собственное дыхание. Под ладонями - гладкая влажная поверхность, как после дождя. Над головой - высокий потолок с рассеянным светом без источника. Перед ней - коридор с дверями разных времен и стилей: белая облупленная, лакированная темная, дверь с матовым стеклом, дверь с латунной ручкой, дверь с выцарапанной детской звездой.

В конце коридора - зеркальная.

- Не к ней.

Голос прозвучал за спиной.

Анна обернулась.

Мужчина в темном пальто стоял у входа в коридор так спокойно, будто ждал ее здесь давно. Черные волосы, бледная кожа, взгляд, в котором не было ни театральной угрозы, ни желания понравиться.

- Марен, - сказала она.

- Здесь имена - не бесплатны.

- Тогда зачем ты назвал мое?

- Потому что твое уже оплачено.

- Я ничего не подписывала.

- Подписывала. До того, как решила забыть.

За одной из дверей прошел короткий шорох, как ноготь по стеклу.

- Кто там?

- След одной из твоих женщин.

- Сони?

- Но не только ее.

Анна сделала шаг вперед:

- Мы идем.

- Нет.

- Почему?

- Потому что ты еще не умеешь возвращаться после входа на нужной глубине. Если пойдешь сейчас - в яви твое тело не выдержит.

Перед глазами вспыхнула кухня: Катина ладонь у нее на плече, разлитый чай, открытый блокнот. Видение исчезло так же резко.

- Я жива?

- Пока да.

- И что мне делать?

- Выбрать дверь, которую ты выдержишь.

Анна смотрела на зеркальную дверь в конце коридора. Ее тянуло туда так, будто весь смысл происходящего был именно за этой гладкой, манящей поверхностью.

Но тело реагировало иначе: в груди поднимался вязкий холод, а в запястье, где горел знак, боль усиливалась.

Она вспомнила, как на круге учила женщин не подчиняться первому импульсу:

«Назови, где ты. Назови, что чувствуешь. Выбери то, что не разрушает».

Она перевела взгляд на простую белую дверь рядом. Старая краска, трещина у ручки, ничего «особенного».

- Если ошибусь?

- Потеряешь часть памяти.

- Чьей?

- Своей.

Снизу, из глубины коридора, снова донесся шорох и далёкое, почти детское:

«помоги».

Анна закрыла глаза, вдохнула, выдохнула и положила ладонь на белую дверь.
Дерево оказалось теплым.

Дверь приоткрылась.

Из темноты потянуло чабрецом, мокрой землей и чем-то знакомым до боли - запахом собственной кухни после дождя.

- Верно, - тихо сказал Марен.

Анна шагнула внутрь.

Комната за дверью была почти копией ее старой детской: узкий диван, лампа с тканевым абажуром, стол с потертыми углами. На столе лежал конверт с надписью ее почерком:

«Себе, когда снова захочешь исчезнуть».

- Я этого не писала.

- Писала, - ответил Марен. - В другом круге.

- Что это вообще значит?

- Что путь повторяется, пока решение не станет точным.

Анна вскрыла конверт.

Внутри - один лист:

«Если ты выберешь чужое спасение вместо собственной жизни,

ты снова назовешь это любовью,

потом долгом,

потом судьбой,

и в конце останешься без имени».

Она прочитала текст дважды. Трижды.

Бумага дрожала в руках.

- Это манипуляция, - сказала она жестко, скорее себе, чем Марену.

- Это предупреждение.

В стене слева прошла волна. На секунду открылся темный провал с узкой лестницей вниз, откуда тянуло холодом железа и водой.

Анна шагнула туда.

Марен перехватил ее за запястье.

- Нет.

- Там они.

- Там следующий узел. Не этот.

- Я не могу просто стоять.

- Можешь. И должна.

Она дернулась, но остановилась.

В груди поднималась ярость - не на него, на собственное бессилие.

- Тогда дай мне что-то, с чем я могу вернуться.

Марен кивнул на стол.

На столе лежали три предмета: пустой ключ без зубцов, тонкая белая нить и старый жетон с выцарапанной спиралью.

- Выбери один.

- Что они значат?

- Ключ без двери - власть без пути.

Жетон без маршрута - иллюзия движения.

Нить - связь.

Анна взяла нить.

Боль в запястье вспыхнула и тут же стала тише. Знак потемнел, контур стал четче.

- С ней ты сможешь шить разрывы, - сказал Марен. - Но только если будешь помнить явь.

- А если забуду?

- Тогда нить станет петлей.

Она спрятала нить в ладонь.

- Я не забуду.

- Проверим.

Анна очнулась на полу гостиной.

Катя стояла на коленях рядом, держала ее за плечи:

- Дыши. Слышишь? Дыши.

У двери - Лера, Ирина, Марина, Тамара Петровна, Соня. Испуганные, молчаливые, живые.

- Сколько я была там? - спросила Анна хрипло.

- Минут пятнадцать, - ответила Катя. - Ты отключилась и шептала что-то... не по-русски.

Анна подняла руку. На запястье - темный знак. Между пальцами - белая нить, завязанная узлом.

Соня тихо произнесла:

- Это та же нить, что во сне.

Анна встала, шатаясь, но твердо:

- Слушайте. Сейчас никаких входов. Никаких вопросов «что это значит навсегда».

Только возврат.

Она провела их через протокол:

где вы;

что видите;

что слышите;

что чувствуете телом;

что сделаете в следующие пять минут.

Они проговорили всё вслух, по очереди, пока у всех не выровнялось дыхание.

Когда женщины ушли, Анна осталась одна на кухне.

Записала в блокнот:

«Трещина была реальной.

Марен реален.

Первый Дом реален.

Вход возможен.

Возврат обязателен».

Потом добавила:

«Без возврата вход - насилие».

Ночью, когда она уже лежала под одеялом и думала, что уснет без снов, под веками снова мелькнула та самая лестница вниз. Не открытая дверь. Не разворот. Только намёк - едва заметный, как запах дождя за закрытым окном:

темный воздух, запах воды, шепот «скоро».

Она не шагнула.

- Скоро, - сказала Анна в темноту. - Но по сроку.

И впервые за долгое время заснула не от изнеможения, а от ясности.

Глава 2. Дом, который слушает ложь

Утро началось с обычного: у соседей сверху заскрипел стул, внизу хлопнула дверь, чайник на кухне Анны закипел ровно через четыре минуты, как всегда. Но эта обычность теперь не успокаивала автоматически. Она была как тонкая корка льда на реке: красивая, прозрачная, и всё равно хрупкая.

Анна встала раньше остальных сообщений в чате. Умылась, собрала волосы в небрежный узел, поставила кружку на стол, открыла блокнот.

На первой странице крупно написала:

«ПРАВИЛА ПОСЛЕ ВХОДА:

- 1) не входить снова в ту же ночь;
- 2) сначала тело, потом смысл;
- 3) никаких одиночных практик в кругу;
- 4) если страх > 7/10 - только явь;
- 5) не спорить с фактом, что это реально».

Пятую строку она перечитала три раза.

Телефон вибрировал. Катя.

- Жива? - спросила без приветствия.

- Жива.

- Я приеду.

- Не надо, я...

- Я не спрашивала.

Через двадцать минут Катя уже сидела на кухне в толстовке Анны, которую всегда забирала «на пять минут» и потом не возвращала неделями, и внимательно смотрела, как Анна режет лимон.

- Ты не дрожишь, - сказала Катя.

- Внутри дрожу.

- Это честно.

Анна положила нож.

- Я была там.

- Где «там»?

- В месте, которое не могу назвать сном. Там был Марен. Дом. Двери.

И лестница вниз, но я туда не пошла.

Катя молчала так долго, что Анна уже ждала сарказма, но вместо этого услышала:

- Ладно. Значит, работаем как со сложной реальностью.

Не как с психозом, не как с чудом. Как с фактом.

- Ты мне веришь?

- Я верю тебе. Это разные вещи.

Эта формулировка держала лучше любой клятвы.

К вечеру группа собралась снова - не для «практики», а для стабилизации после срыва. Анна сразу задала тон:

- Сегодня мы ничего не открываем. Мы закрываем вчерашний хвост в нервной системе.

Марина, обычно собранная, была бледнее обычного.

- Я после вчерашнего весь день слышу стекло, - призналась она. - Как будто кто-то ногтем ведет.

Соня сидела тихо, но смотрела на зеркало почти не моргая.

- Я помню больше, чем сказала, - выдохнула она. - Там, за трещиной, был голос. Не Марена. Другой.

Анна насторожилась:

- Что говорил?

Соня замялась:

- «Тебя легче взять, чем ее».

В комнате сразу стало холоднее, хотя окна были закрыты.

Катя тихо выругалась:

- Отлично. Нам еще и охота объявлена.

Анна подняла ладонь:

- Стоп. Паника - не стратегия.

Соня, ты неходишь никуда одна. Марина, никаких зеркал дома.

Лера, проверяешь у всех базу: сон, еда, вода.

Катя...

- Я на тебе, - коротко сказала Катя.

Анна кивнула.

Роли были распределены за минуту. И эта скорость в кризисе была единственным, что удерживало.

Они сделали «сухую» сессию: дыхание, названия предметов, короткие фразы возврата. Никакой символики. Никакой глубины.

И в конце, когда все уже собирались уходить, Тамара Петровна неожиданно сказала:

- Девочки, нельзя оставлять зеркало голодным.

Все обернулись.

- Что значит «голодным»? - спросила Лера.

Тамара медленно поправила шарф:

- Если такое зеркало открыли и не закрыли ритуалом границы, оно будет тянуть слабое место.

Не человека. Слабое место.

Анна почувствовала, как мурашки проходят по спине.

- Вы это откуда знаете?

- От матери. Она называла это «дом, который слушает ложь».

Где ты врешь себе - там и прорвется.

Эта фраза ударила точно. Потому что Анна сразу знала, где ее ложь: в убеждении, что она может «тянуть всех» без цены.

Ночью она вошла в Первый Дом не по тяге, а по задаче - проверить границу.

Коридор встретил ее не темнотой, а приглушенным серебристым светом. Двери стояли на месте. Зеркальная в конце была закрыта.

Марен ждал у стены, как будто не уходил.

- Ты пришла с целью, - сказал он.

-

- Какой?

- Закрывать хвост после первой трещины и поставить границы для круга.

Он кивнул:

- Тогда не импровизируй.

- Никогда не думала, что услышу от тебя слова «не импровизируй».

- Никогда не думал, что мне придется их повторять.

Она остановилась перед дверью, на которой раньше не было ничего, а теперь появился тонкий знак: два пересекающихся круга, один темный, один светлый.

- Что за дверь?

- Комната ложных клятв.

- Звучит обнадеживающе.

- Не пытайся шутить там, где страшно.
- Я не шучу. Я выживаю.
- Тогда заходи.

Дверь открылась без скрипа.

Комната внутри оказалась почти пустой: каменный пол, длинный стол, семь чаш из черного стекла и зеркало на дальней стене. В зеркале отражалась не сама Анна, а круг в ее квартире - но не сегодняшний, а вчерашний, в секунду перед трещиной.

- Это запись? - спросила она.
- Нет. Это узел.
- Разница?
- Запись не меняется. Узел меняется от твоего решения.

На столе возле чаш лежала тонкая металлическая игла и катушка с белой нитью - той самой, что она вынесла.

- Что делать?
- Сказать правду. Не общую. Конкретную.
- Кому?
- Сначала себе. Потом узлу.

Анна подошла к зеркалу. Отражение вчерашней комнаты дрожало. В нем Соня уже смотрела на трещину, Катя уже поднималась, а сама Анна ещё делала вид, что всё контролирует.

- Я вру себе, что могу вести всех и не просить помощи, - сказала она.

Ничего не произошло.

- Этого мало, - сказал Марен.

Анна стиснула зубы.

- Я вру себе, что моя ценность только в том, что я полезная.

Одна из чаш на столе треснула.

- Еще.

Она вдохнула глубже:

- Я вру себе, что если остановлюсь, меня перестанут любить.

Зеркало дернулось и на секунду стало прозрачным. За ним показалась та самая лестница вниз - теперь ближе, чем раньше.

Голос, не Марена, прошептал оттуда:

«Хорошо. Еще шаг».

Анна отшатнулась:

- Кто это?!

Марен резко встал между ней и зеркалом:

- Не отвечай.
- Это тот, кто говорил с Соней?
- Это то, что питается твоей старой клятвой.
- Какой клятвой?
- «Я спасу всех, даже если исчезну».

Она почувствовала, как знак на запястье жжет изнутри.

- Я такого не давала.
- Давала. Не словами. Поведением.

Голос снизу снова:

«Ты уже идешь ко мне».

Анна посмотрела на лестницу в зеркале и впервые не почувствовала только страх - она почувствовала злость. На этот голос. На старую внутреннюю программу. На собственную привычку путать любовь и самоуничтожение.

- Нет, - сказала она в зеркальную темноту.

Голос усмехнулся:

«Ты всегда говорила “нет” перед тем как сдать».

Она повернулась к столу, взяла белую нить, вдела в иглу, подошла к треснувшей чаше и медленно, через дрожь, сшила трещину тонким стежком.

- Я не сдаюсь, - сказала Анна, делая второй стежок. - Я меняю контракт.

Третий стежок.

- Я не спасаю ценой себя.

Четвертый.

- Я веду только из ресурса.

Пятый.

- Я не открываю дверь вниз раньше срока.

После пятого стежка чаша перестала дрожать. Зеркало потемнело, лестница исчезла, а чужой голос стих, как будто его оттянули глубже.

Марен смотрел на нее странно - не холодно, не жестко, почти с уважением.

- Это и есть цена магии, - сказал он тихо. - Не кровь и не боль как шоу. Отказ от привычной лжи.

Анна села прямо на пол. Руки тряслись.

- Почему так тяжело?

- Потому что старая клятва выгодна страху.

Новая клятва выгодна жизни.

- Мне надо запомнить это дословно.

- Запомни телом. Слова забудутся.

Она закрыла глаза, положила ладонь на запястье поверх знака и повторила медленно:

- Сначала жизнь. Потом глубина.

Сначала опора. Потом вход.

Комната отозвалась легким металлическим звоном - как тонкий колокол вдалеке.

- Что это было? - спросила она.

- Узел услышал.

- Закрылся?

- Нет.

Но перестал быть безымянным.

В явь Анна вернулась с сильной дрожью в ногах, но в ясном сознании.

Телефон показывал 03:17. В чате - три сообщения от Кати:

«Ты где?»

«Проверься».

«Если не ответишь за 2 минуты, еду».

Анна отправила голосовое:

- Я вышла. Дома. Живая. Пью воду.

Через двадцать секунд пришел ответ:

- Хорошо. Пей воду и ешь. Не анализируй сейчас.

Она улыбнулась:

иногда дружба звучит как военный протокол, и это лучший возможный язык.

Анна съела половину банана, выпила горячий чай, сделала короткую запись:

«Комната ложных клятв существует.

Голос изнизу активен.

Он реагирует на ложь о самопожертвовании.

Белая нить работает как шов.

Вход вниз - еще не сейчас».

Потом добавила:

«Соня под риском как слабый узел.

Завтра: защита круга».

Она легла почти под утро, и сон был коротким, но впервые без провала.

В нем не было лестницы - только коридор Дома, закрытая зеркальная дверь и белая нить, натянутая вдоль стены, как линия, за которую нельзя заходить раньше времени.

Когда Анна проснулась, первый луч солнца уже лежал на кухонном столе, и в этом простом свете было больше магии, чем во вчерашнем холодном голосе.

Она знала, что опасность не исчезла.

Но теперь у нее было не только «страшно», а и «что делать».

Глава 3. Семь отражений одной клятвы

В среду Анна открыла дверь раньше обычного и впервые повесила в прихожей лист с крупной надписью:

«ПРАВИЛО КРУГА:

никаких одиночных зеркальных практик.

если тянет - сначала сообщение в чат».

Катя прочитала лист, прислонилась плечом к косяку и сказала:

- Сурово.

- Поздно быть вежливой, - ответила Анна.

- Поздно - это вообще новый стиль нашей жизни.

Они обе усмехнулись, но без легкости.

В их смехе было то напряжение, которое появляется у людей, уже увидевших слишком много, чтобы притворяться «это просто совпадение».

В этот вечер круг собрался плотнее, чем обычно.

Ирина пришла с синими кругами под глазами и термосом вместо своей привычной кружки.

Лера сразу призналась, что дважды за день тянулась к карманному зеркалу и останавливала себя только потому, что боялась снова услышать шорох.

Марина принесла стопку распечатанных листов «что делать при панике» и выглядела так, будто пыталась организовать бурю таблицей в таблица.

Соня сидела тихо, но пальцы снова были сцеплены в белый замок.

Тамара Петровна пришла последней и поставила на стол маленькую тканевую сумку.

- Что там? - спросила Анна.

- Соль, лаванда и старый ключ от моей первой квартиры, - сказала Тамара. - Предметы памяти. Иногда они держат лучше слов.

Анна кивнула и мысленно добавила это в свою карту опор.

Она не зажигала свечу сразу. Сначала провела всех через короткий круг проверки:

- Сон?

- Еда?

- Контакт с кем-то живым?

- Ночной триггер?

Ответы были честными и неровными.

У Ирины - сон 3 из 10.

У Леры - еда пропущена.

У Марины - конфликт с мужем утром.

У Сони - «ночью слышала слово “ниже”».

У Кати - «держусь, но злюсь».

У Тамары - «в ресурсе, но тревожно за всех».

Анна слушала и понимала: группа держится, но идет по тонкому льду.

- Сегодня не глубина, - сказала она. - Сегодня диагностика узлов.

- А если зеркало само откроется? - спросила Лера.

- Тогда действуем по протоколу, - сказала Анна. - Не геройствуем.

- Мне не нравится это слово, - буркнула Катя. - Такое ощущение, что мы уже в МЧС.

Анна посмотрела на нее:

- Мы и есть в МЧС. Только по внутренним катастрофам.

Практика началась спокойно.

Пять минут дыхания.

Пять минут контакта со стопами.

Пять минут «назови комнату» - цвет штор, звук холодильника, температуру кружки.

На шестнадцатой минуте зеркало в коридоре не треснуло и не вспыхнуло.

Оно просто стало мутным, как запотевшее стекло в ванной.

Анна заметила это первой.

- Никто не двигается, - сказала она.

На мутной поверхности начали проступать пятна света, затем - контуры.

Не один образ. Семь.

Семь отражений, стоящих в глубине коридора, как фигуры в узком проходе.

На первый взгляд - Анна.

На второй - нет. Каждая с другим лицом, другим взглядом, другим внутренним напряжением.

Одна - ледяная и безэмоциональная.

Одна - плачущая.

Одна - яростная.

Одна - слишком спокойная, как после решения «умереть красиво».

Одна - улыбающаяся так, как улыбаются люди, которые решили терпеть вечно.

Одна - пустая, почти прозрачная.

И седьмая - обычная, но с темным знаком на запястье и белой ниткой, порванной у узла.

- Это что... - прошептала Лера.

- Не трогай, - резко сказала Анна. - Никто к зеркалу не подходит.

Соня вдруг встала.

- Нет, - сказала Анна.

Но Соня уже шагнула к коридору, как будто ее потянули за невидимую леску.

Катя сорвалась первой, схватила Соню за локоть, и в этот момент из зеркала пришел звук - тонкий, почти музыкальный, как струна, которую натянули до предела.

Анну согнуло от боли в запястье. Знак вспыхнул жаром.

И в голове раздался голос Марена:

«Узел зеркала. Семь клятв.

Если не закроешь сейчас, круг разорвется».

Анна стиснула зубы.

- Всем сесть! - крикнула она так, что у самой заложило уши. - Глаза на меня! Не на зеркало!

Женщины рухнули обратно на места почти синхронно.

Соня дышала рвано, Катя держала ее за плечо.

- Что делать? - спросила Марина, уже в панике.

Анна слышала собственный пульс громче ее голоса.

- Каждая сейчас говорит вслух, какую ложную клятву несет. Одну. Без объяснений.

- Что? - не поняла Лера.

- Быстро!

Ирина первой выдохнула:

- Я должна быть удобной, чтобы меня не бросили.

Одно из отражений в зеркале дрогнуло и стало бледнее.

Марина:

- Я должна всё контролировать, иначе я плохая мать.

Второе отражение расплылось.

Лера, задыхаясь:

- Я должна быть идеальной, иначе я никто.

Третье - треснуло, как тонкий лед.

Соня, почти плача:

- Я должна молчать, чтобы меня любили.

Четвертое исчезло.

Катя сквозь зубы:

- Я должна быть сильной, иначе меня раздавят.

Пятое рассыпалось в мутный свет.

Тамара тихо, но твердо:

- Я должна терпеть, чтобы быть достойной.

Шестое погасло.

В зеркале осталась только последняя - та, с порванной белой ниткой на запястье.

Все посмотрели на Анну.

Она поняла, что говорить придется вслух, при всех, без привычной роли «ведущей, которая всё знает».

- Я должна спасти всех, даже если исчезну сама, - сказала она.

Последнее отражение дернулось, но не исчезло.

Из зеркала прошел холодный импульс, будто воздух в коридоре схлопнулся.

И тот самый чужой голос, не Марена, шепнул:

«Этого мало».

Анна поднялась на ноги. Колени дрожали, но голос стал ровнее:

- Я отменяю эту клятву.

Отражение треснуло по линии запястья.

- Я выбираю вести только из ресурса.

Трещина стала шире.

- Я не открываю глубину ценой собственной жизни.

Отражение рассыпалось.

Зеркало снова стало обычным.

В комнате повисла абсолютная тишина, в которой слышно было только, как кто-то на лестнице за стеной кашляет и как капает вода из крана на кухне.

Лера заплакала первой.

За ней - Соня.

Марина закрыла лицо ладонями.

Катя сидела неподвижно, но по тому, как дрожала ее челюсть, было ясно: ей тоже страшно.

Анна медленно села обратно.

- Всё, - сказала она. - Узел закрыт на сегодня.

- «На сегодня»? - хрипло спросила Катя.

- Это не финал. Это удержание.

- И что теперь?

- Теперь мы не оставляем никого одной на сутки.

Пары поддержки. Проверка утром и вечером.

И никаких зеркал дома.

Марина кивнула с такой серьезностью, будто подписывала приказ:

- Сделаем.

Когда все разошлись, Анна села на кухонный пол, прислонившись к шкафу.

Руки еще дрожали. В голове звенело.

Катя осталась. Поставила перед ней кружку с горячей водой.

- Пей.

- Не хочу.

- Пей.

Анна выпила, морщась.

- Ты знаешь, что это было? - спросила Катя.

-

- И?

- Дом показывает не просто страхи. Он показывает клятвы, на которых держится разрушение.

- И как это выключить навсегда?

Анна посмотрела на нее устало:

- Никак. Только переучивать в действии.

Катя хмыкнула:

- То есть опять не «чудо-кнопка».

- Опять работа.

- Ненавижу правильные ответы.

- Я тоже.

Они помолчали. Потом Катя сказала:

- Ты сейчас не исчезаешь?

Анна поняла, что вопрос глубже, чем кажется.

- Нет. Я здесь.

- Точно?

- Точно.

Катя кивнула, как будто подписала внутренний договор с миром.

Ночью Анна вошла в Дом не глубоко - только до коридора.

На стене, где раньше была голая штукатурка, теперь светилась тонкая надпись: «ЛОЖЬ НАЗВАНА. КЛЯТВА ОСЛАБЛЕНА».

Марен стоял в тени у белой двери.

- Ты слышал его? - спросила Анна.

-

- Кто это?

- Не человек. Форма узла.

- Как его зовут?

- Не давай ему имени, пока он не получит дорогу к тебе.

Она усмехнулась коротко:

- Ты даже здесь говоришь осторожно, как человек, который знает цену словам.

- Потому что границы пути - это тоже защита.

- Защита от чего?

- От того, чтобы ты сорвалась в глубину раньше времени и сожгла основание.

Анна подошла к стене с надписью, провела пальцами по светящейся линии.

Свет был теплым, не обжигающим.

- Значит, сегодня мы сделали правильно.

- Сегодня - да.

- А завтра?

- Завтра будет то же, что всегда:

или ты повторишь новый выбор,

или старая клятва вернется.

Анна глубоко вдохнула.

- Тогда завтра я выберу снова.

- Так работает магия.

В яви она вернулась без резкого провала.

Часы показывали 02:41.

Она открыла блокнот и записала:

«Семь отражений = семь ложных клятв.

Закрытие через признание + отмену.

Цена: высокая физическая нагрузка, но без потери контакта.

Риск: возвращение узла при повторе старого поведения.

Задача на завтра: закрепить новый выбор в действии».

Потом добавила отдельной строкой:

«Соня - уязвима к втягиванию.

Катя - уязвима к роли “железной”.

Я - уязвима к спасательству.

Марина - к контролю из вины.

Ирина - к удобству вместо жизни.

Лера - к перфекционизму.

Тамара - к молчаливой стойкости.

Система защиты должна учитывать каждую».

Она закрыла блокнот, выключила лампу и легла, чувствуя усталость, как тяжелое одеяло.

Перед сном, уже почти проваливаясь, Анна увидела короткий образ:

лестница вниз, две ступени в тумане и белая нить, натянутая поперек прохода, как барьер.

Голос Марена прозвучал тихо:

- Пока рано.

И чужой шепот снизу, еле слышный:

«Я подожду».

Анна открыла глаза в темноте и впервые не испугалась этой фразы.

Подождет - значит, время у нее есть.

А время, если им пользоваться точно, иногда сильнее любой бездны.

Глава 4. Узел Сони

Утром Анна проснулась от звука, который не могла сразу распознать.

Сначала ей показалось, что это вибрация телефона на столе.

Потом - что вода стучит в батарее.

Потом она поняла: это дрожит стекло в коридоре.

Не трещит, не звенит - дрожит, как тонкая струна, которую кто-то трогает с другой стороны.

Она встала, не включая свет, прошла в коридор и остановилась перед зеркалом. Поверхность была обычной, почти спокойной, только в нижнем левом углу шел едва заметный рябящий круг, как будто под стеклом дышала вода.

Телефон вспыхнул одновременно тремя уведомлениями:

Соня: «Мне плохо».

Катя: «Ты не спишь?»

Марина: «Соня не отвечает на звонок».

Анна набрала Соню - гудки, потом короткий обрыв и тишина.

Еще раз - недоступна.

Она не стала размышлять. Натянула джинсы, схватила ключи, куртку и вылетела из квартиры.

На лестнице пахло пылью и холодным цементом. Лампочка между третьим и четвертым этажом мигала, будто не могла решить, гореть или нет. На улице уже серело; город еще не проснулся до конца, но внутри Анны день уже начался в аварийном режиме.

Катя ждала у подъезда Сони, опершись о капот машины.

- Дверь не открывает, - сказала она вместо приветствия. - Мама на работе, запасного ключа нет.

- Звонили соседям?

- Слышали ночью, как у нее что-то падало.

Анна подошла к домофону, нажала кнопку вызова. Тишина.

Еще раз.

Тишина.

- Ломаем? - спросила Катя.

- Ломаем.

Через две минуты они уже стучали в дверь плечом вместе с соседом снизу - широкоплечим, молчаливым мужчиной в домашней футболке, который не задавал вопросов, только считал: «раз-два-три».

На шестом ударе замок отдался, дверь приоткрылась.

В квартире было душно и слишком тихо.

Соня сидела на кухонном полу у батареи, подтянув колени к груди. Глаза открыты, но взгляд расфокусирован. На столе - раскрытый скетчбук, в котором десятки раз было написано одно и то же слово:

«НИЖЕ».

- Соня, - Анна присела рядом, не касаясь сразу. - Смотри на меня.

Соня повернула голову медленно:

- Он зовет.

- Кто?

- Тот, из зеркала. Не Марен.

Катя встала в дверном проеме кухни, перекрывая обзор на коридор.

- Так. Что делаем?

Анна проверила Сонин пульс - быстрый, но ровный.

- Сначала возвращаем тело. Потом выясняем, насколько глубоко она зацепилась.

- Говори, что нужно.

- Открой окно на проветривание. Теплая вода. Что-то сладкое.

И никаких разговоров про «что ты видела» до стабилизации.

Катя кивнула и ушла в комнату.

Анна наклонилась к Соне:

- Слушай меня. Назови пять вещей, которые видишь.

- Пол... кружка... шторы... твоя куртка... трещина.

- Где трещина?

Соня кивнула в сторону холодильника.

На дверце холодильника действительно шла тонкая полоска конденсата, но не трещина.

Анна поняла, что Соня еще на границе.

- Хорошо. Теперь четыре звука.

- Шум машины... твой голос... капли... шаги Кати.

- Три телесных ощущения.

- Холодно в ногах... больно в горле... руки ватные.

- Два запаха.

- Кофе... металл.

Анна задержалась на последнем слове:

- Откуда металл?

- От двери.

Анна не спросила «какой двери». И так было ясно.

- Один выбор на ближайшие пять минут.

Соня заплакала бесшумно:

- Не идти туда.

- Верно. Не идти туда.

Катя принесла кружку с теплой водой и медом.

- Пей маленькими глотками, - сказала Анна.

Соня послушалась, но на третьем глотке резко повернула голову к зеркалу в прихожей и зашептала:

- Он злится. Он говорит, что ты забрала у него лестницу.

Анна почувствовала, как в запястье, под знаком, проходит знакомый жар.

- Он может злиться сколько угодно, - сказала она ровно. - Выбор все равно наш.

Когда Соня стабилизировалась до состояния «может стоять и отвечать целыми фразами», Анна попросила Катю остаться с ней, а сама вышла в подъезд позвонить Марену - не по телефону, а тем внутренним каналом, который открывался у нее в моменты, когда Дом уже слышал.

- Мне нужна информация, - сказала она вслух в пустой лестничной клетке.

Ответ пришел не голосом, а образом: коридор Дома, белая нить, натянутая поперек лестницы, и темное пятно у самой нижней ступени, пульсирующее в такт с Сониним дыханием.

За образом - слова:

«Узел привязки к слабому звену.

Соня - вход для давления на круг».

Анна сжала перила:

- Как закрыть?

«Не вырезать ее из круга.

Не спасать ее вместо нее.

Сшить совместный контур».

- Чем?

«Семью якорями.
По одному от каждой».
Образ погас.

Анна вернулась в квартиру.

- Катя, собираем всех сегодня. Экстренный круг.

Нужны семь предметов-якорей, личных, живых, не «красивых».

- Прямо сейчас?

- Прямо сейчас.

Катя уже набирала сообщения.

К шести вечера у Анны в гостиной снова были все.

Ирина принесла старый билет на поезд до Курска, который когда-то не сдала после поездки, где окончательно решила уйти из тяжелого брака.

Марина - детскую резинку сына, которую он носил на запястье «как маму, чтобы не бояться».

Лера - первую кривую чашку из глины, которую не выбросила, хотя очень хотела.

Катя - металлический брелок в форме ключа, который всегда носила «на всякий случай».

Тамара Петровна - платок своей матери, пахнувший лавандой и шкафом.

Соня - кусок белой бумаги с одним штрихом графита, «потому что это максимум, что могу сейчас».

Анна - белую нить с первым узлом.

На столе они разложили предметы кругом.

- Слушайте внимательно, - сказала Анна. - Это не ритуал ради красоты.

Это техническое закрытие узла.

Каждая говорит одну старую клятву и одну новую.

Ирина:

- Старая: «Я буду удобной, лишь бы не бросили».

Новая: «Я выбираю близость без самоотмены».

Марина:

- Старая: «Я обязана контролировать всех».

Новая: «Я отвечаю за свой тон, не за весь мир».

Лера:

- Старая: «Я или идеальна, или никто».

Новая: «Я расту через работу, не через самобичевание».

Катя:

- Старая: «Я железная, иначе меня раздавят».

Новая: «Я могу быть твердой и уязвимой».

Тамара:

- Старая: «Терпение - единственная сила».

Новая: «Мой голос - часть достоинства».

Соня долго молчала. Потом сказала тихо, но ясно:

- Старая: «Я молчу, чтобы меня любили».

Новая: «Я говорю и остаюсь в контакте».

Анна последней:

- Старая: «Я спасаю всех ценой себя».

Новая: «Я веду из ресурса и не исчезаю».

Когда последняя фраза прозвучала, зеркало в коридоре коротко потемнело. Не треснуло. Не зазвенело. Просто стало черным на два удара сердца.

Лера ахнула.

Анна подняла руку:

- Ничего не делаем резко.

Черное стекло посветлело. На поверхности проступил тонкий знак - тот же незамкнутый круг, только без разрыва.

Соня закрыла глаза, как будто прислушиваясь:

- Он отступил.

- Кто «он»?

- Тот голос.

Говорит: «не сейчас».

Катя хмыкнула:

- Меня устраивает «не сейчас».

После круга Анна не отпустила никого сразу.

- Сегодня ночуем по двое в связке, - сказала она. -

Ирина с Лерой.

Марина с Соней.

Я с Катей на связи без отключения.

- Это надолго? - спросила Марина.

- До утра. Потом сверка.

Тамара Петровна уже надевала пальто:

- А я?

- Вы в зеленом статусе, но в чате до двенадцати.

- Принято.

У двери Соня задержалась:

- Анна...

- Да?

- Я чуть не пошла за голосом.

- Но не пошла.

- Потому что ты была рядом.

Анна покачала головой:

- Потому что ты выбрала остаться.

Соня кивнула и, кажется, впервые за день улыбнулась.

Ночью Анна вошла в Дом коротко - только сверить, не ушел ли узел вглубь.

Коридор встретил ее ровным светом.

Белая нить у лестницы была на месте.

Темное пятно у нижней ступени сжалось до тонкой тени.

Марен стоял у стены.

- Сработало, - сказала Анна.

-

- Надолго?

- До следующего шанса.

Узлы никогда не исчезают «навсегда». Они теряют право управлять.

Анна устало улыбнулась:

- Опять ремесло, да?

- Опять ремесло.

Она подошла ближе:

- Сегодня я чуть не сорвалась, когда увидела Соню.

- Я видел.

- И?

- Ты сорвалась в чувство. Но не сорвалась в действие.

Это и есть разница между старой и новой тобой.

Эта фраза задела сильнее, чем она ожидала.

Анна закрыла глаза на секунду, потом открыла:

- Спасибо.

- Не мне, - сказал Марен. - Повторению.

Из глубины лестницы снова прошел легкий шепот, на этот раз почти насмешливый:
«Посмотрим, как долго».

Анна посмотрела вниз, но не шагнула.

- Долго, - ответила она. - Столько, сколько нужно.

И в этот раз голос не ответил.

В яви она вернулась в 01:58.

Катя спала на диване в гостиной, свернувшись калачиком под пледом и не выпуская телефон из руки. На экране горел открытый чат «красно-желто-зеленые».

Анна накрыла подругу вторым пледом, пошла на кухню и записала:

«Узел Сони стабилизирован.

Метод: семь предметов + семь отмененных клятв.

Цена: высокая нагрузка, но без потери контура.

Риск: повторная активация через изоляцию.

План: 72 часа плотного сопровождения круга».

Потом добавила:

«Важно: Дом слушает ложь.

Значит, в следующем блоке - больше действий, где правду нужно не только говорить, но и проживать».

Она закрыла блокнот и вдруг почувствовала, насколько устала: не романтически, не красиво, до тремора в плечах.

Но в этой усталости не было пустоты. Был смысл.

Анна легла рядом с Катей на полу гостиной, не раздеваясь, и уснула под тихий шум холодильника и далекое гудение города.

Перед самым сном ей мелькнул короткий образ:

лестница вниз, девять ступеней света, десятая - в тумане.

Она не увидела, что там дальше.

И впервые это не раздражало.

Не знать всё заранее было частью правильного темпа.

Глава 5. Цена тихой ночи

Утро после узла Сони выглядело почти мирным, и эта мирность пугала Анну сильнее открытой трещины. Слишком часто затишье оказывалось не облегчением, а промежутком перед новым ударом.

Она проснулась в половине восьмого, осторожно выбралась из-под пледа, чтобы не разбудить Катю, и пошла на кухню босиком. Плитка холодила ступни. Во дворе серел мокрый асфальт, мусорная машина рычала у соседнего подъезда, чайник закипал ровно, как будто ничего не произошло.

В чате уже стояли отметки.

Ирина - жёлтая: «тревога утром, но держусь». Лера - зелёная: «спала семь часов». Марина - жёлтая: «сон рваный». Соня - жёлтая: «голоса нет, но холодно». Тамара - зелёная. Катя - зелёная: «жива, кофе».

Анна набрала: «Сегодня режим 72 часа. Утро, день, вечер - короткая сверка. Никаких зеркал в одиночку. Жёлтый держится больше шести часов - звонок, не переписка. Красный - сразу голос».

Отправила и только потом заметила, как сильно сжимает кружку. Костяшки побелели.

- Ты опять всё сжимаешь, - сказала Катя с порога.

Анна обернулась. Катя стояла сонная, помятая, с видом человека, который уже успел мысленно поспорить с миром и пока решил отложить драку.

- Доброе утро тебе тоже.

- Доброе. И давай без «я в порядке», если ты не в порядке.

- Я в рабочем режиме.

- Это не эмоция.

- Это защита.

Катя налила себе кофе, села напротив и посмотрела так, что спорить стало бессмысленно.

- Если ты сейчас уйдёшь в «я машина по стабилизации», мы через сутки получим новый узел. Ты это знаешь.

Анна знала. И злилась не на Катю - на то, что очевидное снова пришлось услышать снаружи.

- Ладно. Страх - шесть из десяти. Усталость - восемь. Контакт с реальностью - семь.

- Уже честнее.

- И что с этим делать, товарищ внутренний диспетчер?

- Завтрак. Прогулка. Сон сорок минут. Потом круг. Без подвига.

Анна фыркнула. Напряжение в кухне чуть просело.

В полдень она позвонила Соне. Та говорила тихо, связно, но в каждом слове слышался человек, который стоит спиной к стене.

- Ночью голоса не было. Но мимо зеркала прохожу - в животе камень.

- Накрой тканью до вечера.

- Уже.

- Ела?

- Омлет.

- Хорошо.

Соня помолчала.

- Он правда отступил? Или сделал вид?

Анна не стала гладить её красивой ложью.

- Отступил на этом узле. Не исчез. Наша задача - не дать ему снова зайти через старую клятву.

- Звучит как долгий бой.
- Как точная работа.
- Тогда работаем.

Вечером круг собрался у Марины. Анна настояла на смене пространства: безопасность не должна была держаться на одной квартире, одном зеркале и одном человеке.

У Марины на кухне пахло картошкой, укропом и детским пластилином. На холодильнике висели рисунки сына, на столе стояла миска с яблоками. Живая кухня, не кабинет.

- Я специально не убирала идеально, - сказала Марина. - Пусть будет как есть.
- Вот это нам и нужно.

Они сели без свечей и символов - только с предметами-якорями в руках. Анна не стала запускать полный круг. Слишком рано. Вместо длинного разбора каждая назвала одну точку, где её утягивало, и одно действие, которое удержало.

Ирина - улица и звонок Лере. Лера - глина вместо переписки с чужим комментарием. Марина - пауза, когда сын пролил сок. Соня - пол под спиной и пять предметов вслух. Катя - признание, что она злится от страха за Анну. Тамара - разговор с дочерью без привычного молчания.

Анна сказала последней:

- Меня утягивало в «я всех удержу». Удержало то, что утром я назвала страх.
- На секунду кухня стала очень тихой.

Потом мигнул свет. Раз. Два. Три.

На третьем мигании в стекле выключенной духовки отразился круг - не тот, который сидел в кухне, а другой: с пустым стулом на месте Сони.

Соня побледнела.

- Он опять...
- Не на стекло, - резко сказала Анна.

Но Соня уже начала задыхаться. Марина метнулась к крану, Лера застыла, Ирина автоматически потянулась к телефону.

- Ирина, не телефон. Ко мне.

Голос Анны ударил грубее, чем она хотела, зато сработал. Ирина подняла голову. Катя молча закрыла духовку полотенцем. Марина поставила воду перед Соней.

Анна опустилась на корточки.

- Смотри на меня. Где ты?
- У Марины... кухня...
- Что под ногами?
- Пол. Тёплый.
- Что слышишь?
- Твой голос. Чайник.

Соня судорожно вдохнула и заплакала. Волна начала отпускать.

Анна выпрямилась только когда дыхание у Сони стало человеческим.

- Фиксируем факт: дверь может проступить в любом отражающем стекле. Не зеркало опасно. Опасен автомат без опор.

- И как жить вообще? - сорвалась Лера.

Тамара Петровна ответила раньше Анны:

- Как по весеннему льду. Не бежать и не застывать.

После встречи Анна вышла во двор. Под фонарём пахло мокрой пылью и дешёвым табаком от соседней лавки. Она не входила в Дом, не звала Марена, не искала красивого объяснения. Просто поняла: пока круг строится вокруг неё, удар всегда будет искать её центр.

На следующий день она переписала общий документ. Не «протокол Анны». Общий. Пять коротких разделов: первый триггер, паническая волна, зеркальный отклик, пропажа связи, возврат после срыва. Под каждым - действия, которые могла выполнить любая из них.

Вечером у Тамары Петровны Соня впервые вела десятиминутный блок. Голос дрожал, но не ломался.

- Проверка состояния. Назовите, где вы сейчас телом.

Женщины ответили по очереди. В серванте мелькнула тонкая тень. Все заметили. Никто не вскочил.

Соня посмотрела в лист и прочитала:

- При зеркальном отклике: не смотреть в центр отражения, назвать опоры, свериться с парой.

Катя и Марина автоматически сели ближе к Лере и Ирине. Тень ушла.

Анна сидела в круге и впервые за долгое время не чувствовала, что одна держит плотину.

Плотина стала общей.

Ночью она не пошла глубже порога. Только записала на кухне одну фразу:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.